

Стратегия Гу Цици была проста: несколько раз выманить «тигра из гор». В первый раз коренные жители, используя ловушки и пренебрежение врага, убили третьего главаря — того, с кем было трудно справиться и кого в будущем было бы сложно контролировать. Это делалось, во-первых, чтобы успокоить гору Дуйтоу и заручиться их временной помощью, а во-вторых — чтобы укрепить дух коренных жителей, заставив их сражаться насмерть, а не разбежаться. Их предводитель был обречён: не будь он на своём посту, третий главарь не угодил бы в две ловушки подряд. Во второй раз, когда весть о смерти третьего главаря достигла крепости, был послан четвёртый главарь, чтобы уничтожить коренных жителей. Битва была ожесточённой, но благодаря успеху первой операции они выстояли. В третий раз старейшина обратился за помощью к Ди Хэ. Тот согласился помочь исключительно из интереса. Будучи одним из самых знаменитых полководцев в истории Цянь, он обладал способностью объединить древний Гуху, но не делал этого, дабы не наскучило. Гу Цици разглядела это и использовала его влияние.

После того как враги были выманины, в крепости остались лишь Великий главарь и горстка людей. Теперь у коренных жителей, вышедших из подземного дворца, было численное преимущество, что заставило оставшихся врагов держаться настороже и сковало их. В итоге способен действовать оставался только Великий главарь. Гу Цици бросила ему вызов — и он был вынужден принять бой, иначе полностью потерял бы лицо.

Наконец, то, что Гу Цици не убила его кремнёвым ружьём сразу, а дождалась мольб о пощаде, было нужно, чтобы лишить его авторитета в глазах разбойников и облегчить их последующее подчинение. Кроме того, данное ею Гао Куо «имя» и «рисованные пироги» были одновременно и искренними, и расчётливыми. Это усиливало его чувство принадлежности и доверия именно к Гу Цици, а также увеличивало разрыв между идеалом и реальностью, приводя к психологическому дисбалансу. И когда план Гу Цици стал блистательно осуществляться, его подчинение стало полным.

Даже если бы второй главарь не оказался своим, это не имело бы значения. Внешнее давление Ди Хэ, угроза кремнёвого ружья и внутренний разлад в крепости — всего этого было достаточно. К тому же от Гао Куо она узнала, что второй главарь — человек рассудочный и не всецело предан Великому главарю, а значит, его можно было переубедить и завербовать.

В общем, в итоге план Гу Цици обрёл девяносто процентов вероятности успеха. Единственной переменной оставалось то, как долго коренные жители смогут сдерживать четвёртого главаря. Вернись он вовремя — победы бы не случилось.

Ну вот и всё□ω□

Предыстория. Снежная гора

Прохладный ветер кружил опавшую листву, касался капель росы, и те, застывая, превращались в иней. Неведомо когда ветер набрался холода, бросил сонную листву и умчался прочь. Спустя время посыпался белый пух, мягко укрывая ветви, словно желая, чтобы на будущий год те дали новые побеги.

— Фу-у-х...

Кто-то выдохнул, и пар, клубясь, повис в воздухе.

— Вжжж! — Широкий меч издал гул, подхватил ветер, обвился туманом и вдруг ударил в голую ветку, оставив на ней несколько белых цветков инея, увы, растаявших за одно мгновение.

С лёгким вздохом Ли Чжао убрала меч, а затем, по-детски простодушно, сложила руки и

извинилась перед деревом, что только что атаковала.

Дерево, разумеется, хранило молчание, но как раз в этот момент пробежал ветерок, ветви качнулись — словно бы милостиво даруя прощение.

Увидев это, Ли Чжао улыбнулась, потянулась и уже собралась возвращаться, как, обернувшись, заметила Деву Цзюнь, сходящую с повозки.

— Дева Цзюнь! — как обычно окликнула она её, и на лице её расцвела улыбка, теплее зимнего солнца.

Затем она засемила к ней, но вовремя замерла в четырёх чи от девушки.

В ответ она получила лишь беглый, отрешённый взгляд, не удостоившись ни слова. Но Ли Чжао не придавала этому значения. Она просто, как всегда, пошла рядом, рассказывая забавные истории или просто болтая о чём попало, и даже отсутствие ответа её не смущало.

Ведь она всего лишь хотела, чтобы на сердце у Девы Цзюнь было не так тоскливо.

Ли Чжао отчётливо понимала: печаль Девы Цзюнь рождена тоской. Точно так же, как их названный брат Чжоу Сюань подолгу сидел, устремив взгляд в сторону императорской столицы, Дева Цзюнь наверняка тосковала по кому-то. И этот кто-то находился на Снежной горе, куда они направлялись.

Она знала, как тяжела тоска, как она гнетёт душу. Когда-то она и сама тосковала по своему учителю, и это было похоже. Но тогда у неё хотя бы была надежда на встречу. Печаль была печалью, горечь — горечью, но не было этой пронзительной боли, что поселилась в сердце теперь.

А от Девы Цзюнь веяло именно болью, предвосхищающей боль, словно она уже предчувствовала, что встречи не случится.

Ли Чжао не знала, как её утешить, и потому изо всех сил старалась отвлечь другими делами или же, почувствовав, что Дева Цзюнь жаждет тишины, просто молча находилась рядом.

Дева Цзюнь никогда не выказывала раздражения. Более того, на протяжении всего пути, как бы она ни торопилась и ни тревожилась, встретив страждущего от недуга, всегда отдавала все силы, чтобы помочь, не проявляя ни нетерпения, ни усталости. Глядя на такую Деву Цзюнь, Ли Чжао искренне считала её лучшей из женщин, и сердце её переполнялось чем-то большим, чем просто умиление.

Потому она испытывала лёгкую досаду на того, по кому тосковала Дева Цзюнь, и ещё сильнее укрепилась в решимости охранять её всю жизнь.

Разумеется, если Дева Цзюнь более не захочет, чтобы она следовала за ней, Ли Чжао не станет настаивать. Например, после воссоединения той с братьями по школе...

Она вздохнула, уставившись под ноги, и в душе внезапно стало пусто.

Внезапно её рукав дёрнули.

Ли Чжао тут же остановилась, подняла голову и увидела гнедого коня. Конь уставился на неё большими глазами, не переставая жевать сено.

Очевидно, она так глубоко ушла в себя, что чуть не ткнулась лбом в седло. К счастью, кто-то вовремя дёрнул её за рукав.

И этим кем-то, естественно, была Дева Цзюнь, о которой она беспрестанно думала.

Поспешно отступив на два шага, Ли Чжао обернулась к ней, смущённо улыбнулась и поблагодарила.

Вань Цзюнь отвела руку, лишь слегка кивнула, не проронив ни слова, и вновь зашагала вперёд.

Впереди уже виднелась голова каравана, а стоило лишь слегка поднять взгляд — и вдали открывались величественные горные пики и бескрайняя белизна снегов. Ли Чжао впервые видела этот серебряный, незапятнанный ни единой соринкой край и на миг замерла.

Очнувшись и заметив, что Дева Цзюнь уже далеко впереди, она поспешила догнать.

Шаги её были не тихими, и потому привлекли внимание Весельчака Ху, сидевшего впереди с трубкой в зубах.

Весельчак Ху восседал на деревянном ящике, ноги его упирались в песок, а перед ними лежал снег. Увидев приближающихся девушек, он вынул трубку изо рта и произнёс:

— Если всё пойдёт гладко, до Снежного города доберёмся ещё до заката.

Услышав это, Вань Цзюнь кивнула, сделала несколько шагов вперёд, встала на тонкий снежный наст и устремила взгляд вдаль, к горным вершинам. Печаль в её чертах стала ещё глубже.

Ли Чжао, глядевшая на её спину, тоже ощутила на сердце лёгкую тяжесть.

— Друг Ли Чжао, не поделишь ли со мной на заре по глоточку? — неожиданно предложил Весельчак Ху.

С этими словами он потряс двумя маленькими фляжками с выпивкой, ослабил, и его усики задрожали.

Ли Чжао улыбнулась, приняла приглашение, уселась на ящик рядом с ним и взяла одну из фляжек, хотя взгляд её вновь прилип к фигуре, почти сливавшейся со снежным пейзажем.

Весельчак Ху не обратил на это внимания, чокнулся с ней своей фляжкой, отхлебнул и сказал:

— Слышал, генерал Чжао Фэн из Цянь пал. Голову его отослали в Восточную Цзюэма.

Ли Чжао моргнула, с удивлением глянув на Весельчака Ху. В душе её шевельнулся вопрос: откуда у него такие вести?

В последнее время они почти не останавливались, лишь изредка задерживаясь, чтобы помочь больным. Значит, не было возможности общаться с важными особами, а простолюдины такими новостями не владеют.

Кажется, угадав её мысли, Весельчак Ху, усмехнувшись, выдохнул два слова:

— Голубиная почта.

Всё сразу стало ясно. Но возник другой вопрос: какое отношение смерть Чжао Фэна имеет к их каравану, что кто-то специально посылал голубя с такой вестью?

— Жизнь и смерть генерала Чжао меня не волнуют, — сказал Весельчак Ху, — а вот смута в Цзюэма волнует весьма. Ибо там, где смута, для торговца открываются либо великие возможности, либо великие опасности.

Ли Чжао приподняла густые брови, понимая, что, наверное, все её мысли написаны на лице... Впрочем, не беда.

Внезапно налетел холодный ветер, и Ли Чжао вздрогнула. Тут же вспомнив о выпивке в руке, она отхлебнула. Во рту мгновенно вспыхнул огонь.

— Кх-кх... Брат Ху, что за смута в Цзюэма? — спросила она, поморщившись и высунув язык. Леденящий воздух коснулся языка, и стало чуть легче.

Что ж, она всё ещё не могла привыкнуть к этой жгучей влаге, хотя согревала она и впрямь хорошо.

<http://bllate.org/book/16264/1464044>